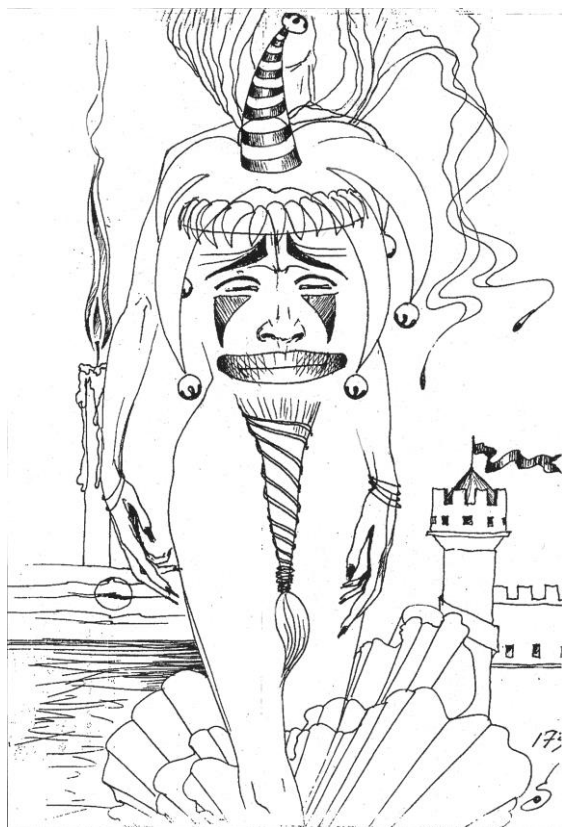

Познавать с годами начал Категорию добра...

Из Кузбасской поэзии

**Новокузнецк
2021**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Познавать с годами начал Категорию добра...

Из Кузбасской поэзии

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
«Ник без Compani»
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П63

П63 **Познавать с годами начал категорию добра** : из Кузбасской поэзии / составитель – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк : Ник без Company, 2021. – 76 с.
12+

Стихи Кузбасских поэтов, разбросанные по разным сборникам и журналам, собранные составителем за более чем тридцать лет работы по поиску фантастики в творчестве кузбасских авторов.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

©Калашников Н.Н., составитель

От составителя

Более тридцати лет я занимаюсь фантастикой в творчестве кузбасских авторов. Но фантастика – это не только проза, но и поэзия... Поэтому приходилось просматривать большое количество поэтических авторских книг и сборников, коллективных сборников, журналов и газет. Иногда встречались стихотворения, трогающие какие-то струны души. Я не всегда мог даже себе объяснить, чем – и почему – мне это стихотворение понравилось.

Не всегда мы можем объяснить себе, почему нам понравилось одно и не понравилось другое прочитанное стихотворение. Дело тут, видимо, не только в том, что в одном мы находим что-то созвучное, родственное своему душевному состоянию, своему образу мыслей, а в другом этого не обнаруживаем. Разумеется, восприятие поэтического слова у каждого из нас неповторимо индивидуальное. Но если, при всей субъективности наших оценок, мы всё-таки попытаемся подойти к вопросу объективно, не предвзято, то после соответствующего анализа придём к убеждению: первое стихотворение родилось естественно, как дыхание, в нём есть какая-то живинка, а второе появилось случайно, даже, наверное, для самого автора. (Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 29 апреля. – С. 3).

Так писал известный кузбасский поэт Михаил Небогатов, начиная в газете «Комсомолец Кузбасса» свою рубрику – «Факультет молодого литератора: обзоры стихов начинающих поэтов». И я с ним согласен.

И я понемногу собирал понравившиеся мне стихи самых разных кузбасских поэтов. За это время у меня накопилось их очень много. Хотелось бы поделиться этой поэтической коллекцией с читателями. Далеко не всё из собранного мной вошло в эту книжечку. Выбор был достаточно сложен. У некоторых авторов как было выбрано одно-два стихотворения, так они и вошли в книгу. А у таких авторов, как Сергей Богачев, Сергей Самойленко, Анастасия Русских, Татьяна Костерина, чьё творчество я очень люблю, мне пришлось с трудом отбирать, и, несмотря на это, их подборки – самые большие.

Не всегда я могу объяснить, почему в эту книжечку попали те или иные авторы, хотя они есть в моей поэтической подборке... Впрочем, я заранее поставил себе задачей помещать в книжку стихи не очень известных, а то и совсем неизвестных авторов.

Хотя и здесь непоследователен. С детства люблю поэзию Василия Федорова (хотя его сложно считать кузбасским поэтом – это поэт всесоюзный), и пара стихотворений здесь есть. Прекрасный писатель и поэт Геннадий Прашкевич живёт в Новосибирске, но юность его прошла в Кузбассе и первое его стихотворение, и первый фантастический рассказ опубликованы в газете «Тайгинский рабочий». И это дало мне право привести в книжке подборку мне нравящихся его стихов. Вряд ли читатели Кузбасса хорошо знакомы с поэтическим творчеством Геннадия Мартовича, даже если знакомы с его прекрасной прозой.

Некоторых авторов (например, недавно ушедшей от нас Татьяны Николаевой) нет в этой книге хотя бы потому, что мной были выпущены две книжки Татьяны Николаевой – «Реминисценции» (2018) и «О преходящем» (2019). Повторяться не хотелось.

И ещё. В этой книге нет стихов поэтов КЛФ «Контакт». Хотя в клубе есть прекрасные поэты. Просто к 40-летию клуба я выпустил сборник «По Млечному пути, как по огню» – поэтическое избранное «Контакта» за 40 лет. Там я собрал лучшие (на мой взгляд) стихи контактовских авторов. Эту книгу (при желании) можно почитать в библиотеке им. Н. В. Гоголя. Или на сайте Гоголевки – <https://libnvkz.ru/userfiles/48060.pdf>.

Мне остаётся надеяться, что стихи этой книги найдут своего читателя – и читатель не будет разочарован.

Николай Калашников

Анатолий БАЛАКАЙ

Осень

Осень. Золото сжигают.
Смена ценностей царит.
Принимаю. Понимаю –
Всё пройдёт, перегорит.
Если выбился из круга –
У костра, на пустыре,
За спасибо можно руки,
Можно душу обогреть.
Мне и нужно-то немного –
Разобраться до конца.
В категории залога,
В категории лица...
Кружит осень птицей красной,
Но в смешении ветров
Здесь грамматика не властна
Над кострами языков.
Ах, учитель! Эти дети –
Все они, в конце концов,
Не второе и не третье –
Первое твоё лицо.
Не дели себя на части:
Ведь всего важнее тебе
Не учение – участие
В человеческой судьбе.
Чем ни мерь свою весомость,
Только этот паренёк –
Твоя радость, твоя совесть,
Твой страдательный залог.
Кружит осень... Не иначе
Подошла моя пора:
Познавать с годами начал
Категорию добра.

Валерий ЗУБАРЕВ

* * *

Перетерплю предательство и травлю...
И всё-таки ни другу, ни врагу
я щёку добровольно
не подставляю...
Но не ударить
я уже
могу.

Уроки истории

Нас публично
учили не врать
вы,
которые искренне врали,
нас учили
не воровать
вы,
которые воровали.

Вы учили б другому –
увы!..
Хоть другого хотелось до крика,
против правды и совести вы
выступать не решались
открыто.

Но себя же связав по рукам,
перед нами
не зря выступали,
если в нас
к лицемерным речам
отвращение
воспитали.

Николай НИКОЛАЕВСКИЙ

*** * ***

Дышать и видеть через трубочки дорог,
И чувствовать озябшей кожей листьев.
Мир принял нас. Мы не открыли истин,
Но сделали зарубку поперек...

Монолог лётчика, бомбившего Хиросиму

Я выжил из ума.
Спуститься ниже?
Моя душа – тюрьма.
Я болью сердце выжег.
Все умерли – я выжил.
Я выжил из ума.

Илья ЛЯХОВ

Монолог актёра за кулисами во время спектакля

«Я Гамлет! Понимаешь?
Гамлет. Гамлет!
Здесь не пижонство, не лихая прыть.
Мне это просто выжить помогает,
я точно знаю – быть или не быть!
Во мне живёт он – датский принц смятенный.
И, восставая против палачей,
мы с ним швыряем ненависть
со сцены в убийц
и всяких прочих сволочей.
Я знаю, что отравят шпагу скоро,
клинок прервёт нещадно жизнь мою.
Предательские стены Эльсинора
мне не помогут выстоять в бою.
Любовь... Мечты... Всё это мимо, мимо,
всё в мире продаётся за гроши.
Я – Гамлет! Мне сказать необходимо
о том, что с кровью рвётся из души!
Я знаю, что распалась связь столетий,
что нынче вера в лучшее – слаба...
В прожекторном багряном жгущем свете
я – Гамлет! Эта роль – моя судьба!
Но роли по особенному благу
даются тем, на чьих устах печать!»
(Он смял окурок, взял в углу лопату).
«...Ну, я пошёл... Могильщика играть»...

Путь по жизни не сию минуту начат.
Но по-прежнему – далёк победный час...
Неудачники – мы веруем в удачу.
Да удача ни на грош не верит в нас.

Видно, сами виноваты нынче в этом.
Да, по правде, никого и не виним,
что стихи другим написаны поэтом.
Наши роли кем-то сыграны другим.

Нас чурается пижамный тучный дачник.
Нам в салоны перекрыт навечно вход.
Но зато шагает рядом неудачник –
гениальный неудачник –
Дон Кихот!

Мы без ужина гуляем до рассвета,
не страшимся неотёсанных углов...
Под ногами чуть колыхнется планета –
слишком круглое творение богов.

Вновь прельщают нерешённые задачи.
И синички захудалой нет в руках...
Пусть завидуют любимчики удачи
неудачникам в разбитых башмаках!

* * *

И тишина бывает шумной,
И четверть метра – далеко...
Дурак слывёт порою умным,
А умный – круглым дураком...

По разному порой бывает:
Одних – на щит,
Других – сомнут...
Живые
Тихо дни считают.
На битву
Мёртвые
Идут.

Анастасия РУССКИХ

* * *

В телевизоре орёл наш Дон Рэба –
Это новости идут, не кино...
Ты опять бухаешь, чтоб забыть небо.
А оно тебя – забыло давно.
У него свои дела – идеалы,
Архетипы, свет, сокрытый во мгле...
И с него не стянешь вниз одеяло,
Хотя холодно-то – здесь, на земле.

На земле – раздрай, разборки, работа,
Вертухай, боссы, альфа-самцы...
Все чего-то ждут и верят в кого-то,
Но не очень чтоб всерьёз – с легонцы.
И дождутся – будет срок. А что ж – люди ж...
Комары-мошка, Симургова сыть...
Ты растаешь, распадёшься, НЕ БУДЕШЬ...
Ты бухаешь. Чтоб об этом забыть.

За эпохою эпоха, исконно,
Абсолютно не рискуя собой,
Небо сеет нас – как зубы дракона –
Не считая, про запас, на убой.
Мифы Греции, преданья-былины...
Что? – цензура не коснулась былин?
Ерунда. Слыхал, что тело – из глины?
А для душ есть дорогой пластилин.

Но не вспомнить, как бы ты ни кумекал, –
Ибо кровь уже впиталась в песок, –
От кого в тебе есть пара молекул,
От кого – хороший, смачный кусок.
Полны кашценки царей-полководцев,
Но ни в ком из них – ни капельки лжи,
Ведь любой, хоть раз рождённый под Солнцем,
Всеми, жившими под ним, одержим.

Каждый скачет, словно мячик для гольфа;
Жизнь – не поле, да не клюшка – коса.

Кто хитрей – идёт в вампиры-вервольфы,
Пролонгирует апгрейд телесам.
Кто богаче – в заморозку, едва лишь
Три морщинки засечёт у виска...
Ты всего лишь человек.
Ты бухаешь.
Это значит – существуешь пока.

Только Царство обретается – Силой –
Встать у неба против горла ребром.
И не верь ты в эти сказочки, милый,
По беззубо-доходное добро.
Это просто из надземных колонок
«Баю-бай», – несётся в вечной ночи...
Так что ты молчи, как рыба, ягнёнок.
Делай дело: рой подкоп и молчи.

* * *

Антракт?.. Нет, просто выключили свет.
Куда податься бедной Дездемоне?
Молилась ли... Да нет, пока что нет.
Успела лишь соединить ладони...

И тут тайфун – от неба до земли! –
Все провода порвал без снисхождения...
Ведь что-то там по радио плели
С утра о штормовом предупреждении!..

Ругнулся тихо Кассио в углу,
И Яго, словно призрак шаткий-валкий,
Проплыл в гримёрку, ужасая мглу
Сотворчеством лица и зажигалки.

Пора и нам – со сцены, не спеша...
Мне в сад к шести; а в семь зайдёт Сан Саныч...
И прекрати сейчас же вопрошать
Меня во тьме, молилась ли я на ночь!..

Вот хорошо, что завтра выходной:
Хоть постираю. Столько накопилось!..
Давай-ка, друг Отелло, по одной
Закурим... – а в ответ опять: «Молилась?!..»

Да ёлки-палки, ё-п-р-с-т!
Нельзя так прочно перевоплощаться!
Ну как играть в крошечной темноте,
Где не видать ни лиц, ни декораций?

Где вопли, сопли, маски и плащи
Смешались в липкий мрак первоосновы?..
Ну, ты меня на сцене поищи, –
А я пока уйду к Птибурдукову.

Там хорошо. Там лилии цветут.
Там неуч-кот дремотно очи щурит.
И знаю я: меня не спросят тут,
Молилась ли... читала ли... хочу ли...

Здесь не взыскуют текстов наизусть,
Здесь я – не Дездемона, а соседка.
Я ведь не часто, знаешь ли, молюсь;
Хочу – не много. И читаю – редко.

Не злись, мой друг. Ты в образе хорош,
Но с ним нельзя срастаться всею кожей.
И если в гости утречком зайдёшь –
То образ – будь уж добр – оставь в прихожей.

* * *

Сорок лет – это снова подросток: ни то, ни сё.
Молодые к себе не берут – и не очень-то надо...
Ты уже не питаешь иллюзий, что будешь спасён,
И почти что уже адаптирован к климату ада.
В сорок лет ты становишься призрак: ни там и ни тут.
Не подпустит к парому Харон – за билетами даже...
Старики – те вообще однозначно к себе не берут:
Ты салага для них.
А они для тебя –
Часть пейзажа...

В сорок лет, говорят, начинается жизнь... – пустыки.
В сорок лет – понимаешь, что нечему там начинаться.
Ибо жизнь – это просто течение горной реки,
Основные пороги которой – в отметке «15».
А потом – по равнине – и течь бы, и течь бы, и течь...
А планета кругла.
И Вселенная, факт, не квадратна.
На бегу рассыпаясь в ручьи и рассыпавшись в речь, –
Всё равно по итогу вернёшься примерно обратно.

Сорок лет – это на Эвересте раскинуть шезлонг,
Сесть и пялиться в Небо. Ему и тебе по приколу.

Тишина наливается звуком – трепещущий гонг...
Помнишь – Слово в начале?..
Попробуй-ка вспомни – какое...

Мир пророс и свершился тобою – на все времена.
И прилёг возле ног – отдохнуть на бессрочном пит-стопе...
И теперь – что взлетать, что спускаться, –
Дорога одна,
Потому что – и Небо не ждёт,
И Земля не торопит.

* * *

Новый мир под рухлядью руин
Нарастает тихо и неслышно.
Частностей – не счесть. Закон – один:
Всё возможно. Всё ещё не вышло
Время. Dura lex, но он – закон:
Помнить свет, но быть до срока тенью,
Выплетая кружево времён,
Избывать проклятие забвенья.
Делай то, что делаешь. Но знай:
Камера работает и пишет.
Время – шарфик, чей узорный край
Именно твоей рукою вышит.
И дождаться возгласа «Спасён!» –
Много легче, чем тебе б хотелось.
Вспомнить всё – несложно.
Вспомнить всё –
Просто сдать экзамены на зрелость.

* * *

Что воплощение – это риск,
За жизнь усвоить я успела:
Не каждый фильм войдёт на диск,
Не каждая душа – на тело.
О, не спеши кидаться вниз,
Заслышав ласковое «Ай лав...»
Взгляни на Землю. Присмотрись –
Ты видишь, сколько битых файлов.

Слишком человеческое

Массаракш...
Если эта планета покрыта башнями,
То не зря мы их сносим

Себе
Каждую пятницу,
Сокрушаясь потом
И отрещиваясь от вчерашнего –
Мутно-страшного,
Продолжая к нему же пятиться.

Человеческое –
Не лечится освенцимами,
Грязью, подлостью, ложью –
Ничем вообще не лечится.
Поголовно,
Подушно,
У каждого –
Абстиненция.
Всепланетная ломка
По этому –
Человеческому.

И казалось бы –
В чём прикол,
Ну за что держаться-то?!
Вот за эти мешки
С ограниченным сроком годности?.. –
Приходящие в ветхость
От лёгенькой радиации,
От несчастной любви,
Чумы
И излишней скромности?!..

Правда в мир пробирается крадучись –
Снами, фильмами,
Сквозь посты преисподней
С коптильнями и котельными.
То, что нас не убьёт,
Нас не сделает слишком сильными.
Мы привыкли.
Нам дозы как раз и нужны –
Смертельные.

Если даже из рая нагрянет
Спецназ с заданием
И слезинку последнюю детскую вытрет насухом,
Мы найдём, из чего
Выжать новый запас страдания,
Дань почтения отдав –

...Не выискивай
Синим взглядом своим доверчивым,
Где же вражеский центр,
По привычке затвором клацая...
Нет здесь башен, мой мальчик,
Громить абсолютно нечего.

И поэтому – шансов нет
Отключить трансляцию.

На Голгофе бы тоже –
 жевали чипсы
И лакали «Клинское» –
 что с нас взять...
Ты ошибся, Господи,
 Ты ошибся.
Нас не стоило, Господи,
 создавать.
Бесполезные годы –
 сто раз по двадцать.
Если я не права –
 намекни, пойму...
Мне же свойственно, Господи,
 ошибаться:
Я ж по образу, Господи,
 Твоему.

Раненым эхом военного горна
Тихо в крови растворяясь,
Медленно – копится – катится – к горлу –
Ярость!

Предков ли древних, кудлатых титанов –
Бунт – вызревает – в мышцах;
Тянется, кожу взрывая, упрямо –
Выше! –

В праведном – или неправедном гнев
Все загражденья рушит...
...Что я забыла там, в слякотном небе?! –
Душу?..

* * *

Жить не торопясь, поэтапно и чинно,
Не пытаться встать под знамёна амазонок...
Не винить мужчину за то, что – мужчина.
Не винить ребёнка за то, что – ребёнок.

Не винить мужчину за то, что – ребёнок;
Не винить себя за то, что – не дура...
Иногда – мелькнуть среди газетных колонок –
Типа светоч местной типа культуры.

* * *

Я последнее время смотрю с изумленьем в тетрадку:
Кто в ней пишет ночами, ваяет из строк этажи?!
Почерк вроде бы мой. Но, отточенный, ровный и гладкий,
Слог становится злым, и сухим, и всё больше чужим.

Заповедные тропки фантазий кривятся в прямые,
Вдохновения трепет священный сводя к ремеслу,
И словцо шоколадно-фруктовое – «шизофрения» –
Мне всё чаще ласкает взыскательный внутренний слух.

Всё вершится по правилам камня, бумаги и ножниц –
До тех пор, пока сборочных точек не больше, чем три.
Но, позволив природе своей многогранность и сложность, –
Ожидай революций и прочих тусовок – внутри.

Побеждает – сильнейший. Он может быть мудр и спокоен,
Справедлив, милосерден и щедр... не судя – не судим...
Только все эти прелести – ломаной... флэшки не стоят
Перед тем, что в итоге он должен остаться один.

И, раз должен, – останется. Пирровой горечи полный,
Стопроцентный триумф зафиксирует Хаос-статист,
Из глубокой насмешливой тьмы наблюдая безмолвно,
Как в давилке души – без малейших попыток спастись –

Погибают поэты, бомжи, алкоголики, гейши, –
Бесполезная, сентиментальная голь и рваньё –
И из воплей и хруста – встаёт одинокий Сильнейший.
И находит тетрадь.
И глядит с изумленьем в неё...

Сергей САМОЙЛЕНКО

* * *

Верхний свет погасив над страной,
ночь стоит за околицей неба.
Кружит головы ветер чумной,
как во время Бориса и Глеба.
Кто там – пень, или заяц, иль волк?
Крест с тобою, проваливай на хер
от греха, будь ты сам Святополк
в наизнанку холщовой рубахе.

Верно, вывернут век наизпод,
будто веко над оком белесым,
раз уж чертополох не берёт
колченого мелкого беса,
раз уж пламенем синим горит
Мономахова шапка на воре,
и по шву потайному трещит
территория страха и горя.

Позвоночник Уральской гряды
выгибает звериную спину,
и поджилки железной руды
так дрожат, что трясутся осины.
Шестипалой звезды черностоп
достаёт от утроб до колодцев,
и с опаской глядят на восток
двухголовые лица уродцев.

Стой, однако! Незряч поводырь,
вёл на небо, да сбился с дороги,
наглотавшись нелёгкой воды
за здоровье болотной мороки,
из копытца, с рябого лица,
из глазниц простодырой природы,
обмирая от вкуса свинца,
холодея от запаха йода.

Мать честная, куда ж нас несёт
взадпятки по родным буеракам!
Видно, задом идёт наперёд
наша смерть и становится раком.

Поглядим же вприщур сквозь кулак
на простое, привычное дело,
с головой окунаясь во мрак
голубой, ослепительный, белый.

* * *

Мы пьём забродившее время и держим стаканы
с горячей апрельской лазурью на уровне глаз.
Прищурившись, смотрим сквозь воздух гранёный, стеклянный,
и долгие гласные цедим, хмелея, смеясь.

Смеясь и хмелея, глядим друг на друга и мимо
сквозь пристальный воздух, сквозь призму слепого дождя.
У слов нет значенья и смысла, у пламени – дыма,
и вечер – не дружба ещё, но уже не вражда.

Случайная встреча продлится, быть может, до гроба.
От неосторожного смеха рождается гром.
Созвездья кишат, как в прозрачной пробирке микробы.
Мы сходим с ума понемногу, глоток за глотком.

Мы заболеваем, раскутывай шарф прошлогодний!
Головокружение нас с ходу берёт в оборот.
Прошедшего времени не существует сегодня,
жизнь сдвинулась с места и начался ледоход.

И нам остаётся, лишь пальцы разжав, удивиться,
как нехотя падает на пол стакан, и смотреть,
как долго, как медленно падает, чтобы разбиться,
и вдребезги бьётся, еще не успев долететь.

* * *

В небо зарыта игральная кость.
В воду забит нержавеющий гвоздь.
День обращается в вечер.
В отполированной шляпке гвоздя
отображается запах дождя
и отражается ветер.

В сквере играет квартет домино.
Двигается глухонемое кино
по направлению к ночи.
Четверо плотников строят ковчег,
вспять обращая течение рек;
труд их почти что окончен.

В небе восходит игральная кость.
Зреют созвездья, зажатые в горсть,

и на табло гороскопа,
на концентрических складках воды
мелом начертаны знаки беды
и вероятность потопа.

Гвозди забиты в игральную грань.
Голубь летит сквозь горящий экран
и возвращается снова.
Сфера старательно вписана в куб,
и отражается в шелесте губ
профиль летящего слова.

* * *

В ночь понедельника, в утро среды,
в дождь четверга, в снегопад воскресенья,
носится в воздухе запах беды,
отзвук звезды и возможность спасенья.

Что-то подмешано в небо страны
кроме фабричного горького чада –
то ли неявное чувство вины,
то ли глухая угроза распада.

Что-то заморожено в лёд января,
что-то добавлено в ливень июня
кроме озона и нашатыря,
кроме поющей струны гамаюна.

Кроме огульного гула турбин
над головами погостов и гульбищ,
чем-то отравлены реки равнин,
чем-то, чего из горсти не пригубишь.

Что-то привито к берёзам, чей сок
кажется горше лекарства иного –
то ли костра осторожный дымок,
то ли огонь воспалённого слова.

Что-то такое дыхание теснит
и обрывает натянутый голос –
то ли отеческий праведный стыд,
то ли сыновья кромешная гордость.

Что-то такое, о чём не кричат,
против чего бесполезен анализ, –
тот же фабричный отъявленный чад,
тот же отчаянный птичий акафист.

* * *

Сквозь неплотно сомкнутые веки
свет прольётся, словно молоко.
Хлопнет ветер дверью гипнотеки,
пошатнётся маятник Фуко.
Циферблат небесной карусели,
круговой поруки хоровод
медленно, со скрипом, еле-еле
над моею головой пойдёт.

Загорится писчая бумага,
третий глаз откроется во лбу,
намотает счётчик зодиака
годовые кольца на судьбу.
Легче пуха упадёт ресница,
достигая скорости звезды,
закружится голова у птицы
от невыносимой высоты.

Раз за разом купол многозвёздный
повернётся на своей оси.
Я заплачу и пойму, что поздно
мне уже прощения просить
у тебя за то, что между нами
Млечный Путь рассыпан, будто соль.
Видно, сердце, превращаясь в камень,
всё ещё испытывает боль.

От слезы отяжелеют веки,
выпадет на дно глазное снег.
Жизнь свою от альфы до омеги
я увижу на изнанке век.
И ладони стороною тыльной
я прижму к невидящим глазам,
чувствуя, как ангельские крылья
раздвигают воздух без усилия,
поднимая душу к небесам.

* * *

Что за время – ни свет ни заря,
Что за место – как перед потопом,
никакого числа мартабря
от начала конца Азиопы.
Или хлеб отдаёт лебедой,
или жизнь наступает на горло,

что ж обида в обнимку с бедой
лебединые крылья простёрла?
Что за полуживая вода
отливает полынью и хлором,
что за ворон кричит «никогда»
над поруганным ликом соборов?
Или жито склевали жида,
или нечисть балует в насмешку,
что ж у нашей паскудной еды
вкус дерьма с беленой вперемешку?
Ох, воротит с души, так несёт,
так разит – уж не прелым ли сеном?
Не из Спасских ли тянет ворот
государевым духом измены?
Не в любой ли избе тот же дух
нежилой, будто после пожара?
Хоть бы раз кукарекнул петух,
хоть бы лошадь какая заржала!
Обморочил ты нас, Черномор,
Обвели вокруг пальца хазары,
Что ж орёт воронья «невермор»
всем кагалом, всем птичьим базаром?
Очарована, видно, земля,
заколдована, знамо, держава.
Пропилась до креста, до рубля,
завалилась проспаться в канаву.
Ну и место – ни храм, ни корчма.
Ну и время – ни утро, ни вечер.
Пир во время чумы. Чухлома.
Волчье право. Кулачное вече.
Нипочём восемь вёрст до небес.
День без номера, энного года.
Пять минут до начала чудес.
Время «Ч». Наступленье восхода.

Татьяна КОСТЕРИНА

* * *

Похмелье во чужом пиру.
Дождливый вечер.
Жизнь разменяю на игру –
и не замечу.

У трёх медведей во бору
сухих дровишек наберу
и на костёр шагну к утру –
зарю навстречу.

Ты – заключённый. Я – палач.
Душа и тело.
А смех – мутировавший плач,
такое дело.

Змея ухватит длинный хвост,
ударит за полночь мороз,
алкаш почешет сизый нос...
Как надоело!..

Все сказки – быль, мой милый друг.
Теперь – поверил?
Да что ты жмёшься на ветру?
В огне – теплее!

На восемь бед – один рассвет.
Вопрос таит в себе ответ.
Мне б сигаретку – напослед...
Да не успею.

* * *

Привычно прикусить губу,
шагнуть к позорному столбу,
нарисовать звезду во лбу,
и – камнем в воду!

Трубят архангелы в трубу:
легко – когда – уже в гробу...

Итак, Finita la? – Угу,
даешь свободу!..

Иссяк, рассыпался, истёк
отмеренный мне кем-то срок,
урок опять пошёл не впрок, –
прости мне, Боже!..

Зачем же ждать, когда с утра
турнут, как шавку, со двора?
А слёзы высохли вчера,
и сердце – тоже.

Речь перед казнью? – Что ж, изволь,
мон шер, мой ангел, мой герой:
нелепы алые шелка на пыльном фоне.

Уйдут со мной и стяг, и стих.
А ты – прости и отпусти,
и не грусти, что нет меня в твоей короне.

* * *

Оборвать лишние связи, фантики, кружева.
Погрузиться в молчание так, что – мороз по коже.
Вырезать из бумаги кораблики и слова,
Забыть имена любимых. Своё – тоже.
Ампутировать чувство долга тупым ножом.
Всем видам расчётов предпочитать наличный.
Банальные рифмы выхаркивать метражом.
Томатный сок не смешивать со «Столичной».
Сшить пару нарядов из наспех скроенных строк,
выйти из ступора, войдя ненароком в моду.
Пить кипяченую воду. Верить в прогноз погоды.
Наблюдать, как эпитафия, мутируя,
превращается в некролог.

* * *

Предпоследние из могикиан, как ни странно, мы всё ещё живы,
только вот от любимых никак не дожждаться ответа...
Наши письма, должно быть, в иных временах закружила
голубиная почта – предшественница Интернета.
Запылённая память просёлочной пёстрой дороги
покрывает подошвы кроссовок и пряжки сандалий.
Поражения, планы, победы, надежды, тревоги,
– второпях обронили, впотьмах, впопыхах проморгали.

А на грязном асфальте – рисунки цветными мелками.
Двадцать строчек в конверте – и снова ладони пустые.
И одни нас за страсть рифмовать назовут дураками, а другие –
по тем же причинам – зачислят в святые.
Доживём до утра, и дожждёмся весны, и поверим –
в лотерее порой выпадает счастливый билетик.
Заколдованный круг разомкнётся. Откроются двери.
Самолётик бумажный летит. Пахнут солнышком дети.

* * *

Взгляни в окно – ну что там, во дворе?
Весна прошла, но не случилось лета.
Дожди. И не сбываются приметы,
и в пепельнице тлеет сигарета,
и чашка кофе стынет на столе...

Ни расписаний, ни календарей.
Ослепший день ползёт, дождём контужен.
И отражается в холодных лужах
язвительная зелень тополей.

* * *

Ходить – всегда окольными. Туман.
Окаменеть. Остервенеть. Напиться.
Устроить жизнь. И не сойти с ума.
И в аргумент из факта превратиться.

* * *

Дочитаны давно мадам де Бовуар
и госпожи Саган два тонких строгих тома.
Как нежно лгали нам их лёгкие слова,
а лютая тоска нас выгонит из дома
по чёрным площадям пить белое вино,
листая небеса, как детскую раскраску...
А ведьма занесла уже веретено,
но это, ангел мой, совсем другая сказка...

* * *

На полуслове оборвать строку,
и смять листок, и выровнять дыханье,
и в пепельнице сжечь воспоминанье,
что мнит себя подстрочником к стиху...

Но изредка, во сне, издалека
(и только не будите, Бога ради!) –
в уютных тапках, в клетчатом халате,
и рифма – как ребенок на руках...

* * *

Затравленный серый волчонок
Сидит настороженно в клетке,
Не верит, что дверца открыта,
Не помнит, как пахнет свобода,
Не знает, что вырастет – волком...

* * *

Сначала нарекли меня звездой,
потом – небрежно – зашвырнули в космос,
должно быть, за ненужность, или,
точней – за бесполезность в хозяйстве.
В хозяйстве от таких немного проку...
И вот – вишу, ничейная звезда...

* * *

А на Западном фронте – без перемен,
а на фронте Восточном – рвут душу дожди...
А у нас – опять – неравный обмен:
на моё «люблю» – твоё «подожди».

Время строить мосты – и жечь корабли,
мы с тобой утонули, погрязли в делах,
мы как будто на разных концах земли:
непролазная глушь, непроглядная мгла.

Равнодушные ангелы с неба глядят...
– Затаиться, заснуть, замереть, залечь,
запереться на ключ, потому что тебя
от своей любви нужно мне уберечь.

Письма, что писала тебе, – сожги.
Ну кому он нужен, рифмованный хлам?
Я всю жизнь плачу чужие долги,
я всю жизнь брожу по иным мирам!

...А на Западном фронте – метёт метель,
а на фронте Восточном – гуляют ветра.
Я согрею чай, приоткрою дверь...
На своё «прощай!» слышу: «Да, пора...»

* * *

...Не вырваться. Не стать. Не прозвучать. Изволь
же улыбаться так, как будто – вольным – воля,
и лес, и тишина, и небо голубое,
и крылья за спиной, а не конвой.

Не выдохнуть. Никак. Заученно идёт
всё то, что словом «жизнь» привычно именуют.
Кому ни помолись, не выпросишь иную.
И решкою монетка упадёт.

Не выжить. Не сбежать. Ещё озолотит
кленовую листвою запасливая осень,
но лет нелепый груз – ни удержать, ни бросить.
И, как и прежде, в Рим ведут пути.

Пружину куража потуже завести,
рвануться – и опять – застыть на полуслове.
И снова – полужест. И взгляд исполнен боли.
И – не судьба. И глаз – не отвести.

Памяти Н. С. Гумилева

В.В. Скаленчук

Надвигается вал ледяного свинцового голода.
Настороженным зверем смотри на него из окна.
Наша блеклая жизнь хищным ветром в лохмотья распорота.
Наступает зима. Наступает чума и война.

Нам ещё предстоит отогреть свои души дыханием
и избыть имплантант в подсознание внедрённой вины.
Мы выходим на площади: Авели, Авели, Авели, –
подконвойная дичь потерявшей рассудок страны.

Вязнут в горле комки полицейского ржавого воздуха.
За ближайшим углом ненасытно урчит автозак.
Снова наша страна нас встречает дубинкой и розгами.
Мы стоим. Мы молчим. Мы чудовищу смотрим в глаза.

Сергей БОГАЧЕВ

Верую!

В отсутствие всяких богов, –
Одинов, Митр, Иегов,
Зевса с женой своей Герою, –
Верую!

В то, что нет ада, чертей,
Нечисти разных мастей,
Мерзко воняющей серою, –
Верую!

В кварк, электрон, пи-мезон,
Ген, ДНК... и озон
Над голубой атмосферою, –
Верую!

В совесть и честность людей,
В то, что получит злодей
Столь же тяжёлою мерою, –
Верую!

В то, что Земля победит
Рак, ишемию и СПИД,
(как уже было с холерою) –
Верую!

В то, что не только едой
Жив человек под звездой
И не деньгами с карьерою, –
Верую!

В веру, надежду, любовь;
В счастье и радость забот,
А не в обыденность серую, –
Верую!..

...И в вероятность того,
Что этих тезисов свод
Вдруг обратится химерою, –
Верую!

Экспромт

Орёл
и решка.
Король
и пешка.
Салат
и «Орбит».
Талант
и...
пропит...

Пилат

А по ночам идут назад
мои часы.
Чуть стоит мне сомкнуть глаза –
морочат сны.
Там я – сегодняшний, а мир –
как был тогда.
Смеётся память-конвоир:
«Забылся? Да?»
Промеж лопаток – бац! – приклад:
«Стоять! Смотреть!
Как равнодушием, Пилат,
Ты сеял смерти!
Кровь
с рук смывая,
возглашал:
«Они – чисты!»
Идут на Суд за шагом шаг
Мои часы...

Мы продаём...

Мы продаём друг другу мир –
В рассрочку, нал и предоплату...
Обходом хитрым... напрямик...
Туда-сюда,
туда-обратно...

Мы продаём друг другу жизнь –
Еду, одежду и лекарства.
Мечты, надежды, миражи –
На всё цена.
Всё – через кассу.

Мы продаём друг другу свет.
И даже воздух стал товаром!

Мы продаём друг другу смерть
И грусть её аксессуаров, –
Хранилища людских гробов
В продаже по большому благу!

Мы даже продаём любовь...
И только ненависть бесплатна...

* * *

Талант – глубоко.
Судьба – нечётко.
Талант – от Бога.
Судьба – от Чёрта.

Судьба – жестоко.
Талант – почётно.
Почёт – от Бога.
Жестокость Чёрта.

Талант – ребёнок.
Судьба – девчонка.
Ребёнок Бога.
Девчонка Чёрта.

Талант – учёба.
Судьба – дорога.
Учёба с Чёртом.
Дорога к Богу.

Талант – с отчётом.
Судьба – с итогом.
И то – для Чёрта.
И то – для Бога.

Талант – ого как!
Судьба – при чём тут?
И что от Бога?
А что от Чёрта?..

Талант – почётно,
судьба – глубоко, –
Да ну вас к Чёрту!
Идите с Богом...

Я хочу, чтоб цензуру назад...

Я хочу,
чтоб цензуру – назад,
чтобы щукою – над карасём.
Невозможно о чём-то писать,
если можно писать обо всём.

Я – за линию,
только одну!
Направления –
только за два!
Либо вниз по течению – гнуть.
Либо против течения – рвать.

Чтоб сомнения не было – «что»,
чтобы было сомнение – «как»
на конкретно предписанный шток
прицепить переписанный флаг!

А поманит божественный свет,
вот тогда,
к чёрту – конь и живот!
Не бывает
душой чтобы спеть,
а за это тебе – ничего...

Наваждение

Вечер был как шаманский бубен
отупляюще колдовским...

Стриптизёрша стекляшкой в пупе
освещала оскал тоски...

Согласуясь с законом Гука
напряжённо пружинил шест...

Из колонок скулила скука,
совершая с тоской инцест...

Озабоченным взглядом кореш
по девчонкам стрелял как Телль...

Бармен к скуке с тоскою горечь
тонкой струйкою лил в коктейль...

Рядом пил мужичок без уха,
откликавшийся на «Винсент»...

Был убийственнее базуки
террорист-пацифист абсент...

Он излечивал и калечил,
душу скручивал в бигуди...

Слава Богу,
что в этот вечер
я из дому не выходил...

Дурачок

– Кем вы хотите быть? –
учитель-коммунист
пытал наш класс огнём идейного экстаза.
– Врачом!
– Шахтёром!
– Космонавтом!
– Bravo! Бис!..
А он ответил:
– Дурачком из русских сказок.

Мы хохотали до упаду
до звонка.
Урок был сорван,
безобразно смят и смазан.
А он в окошко улыбался облакам
с блаженным видом
дурачка из русских сказок.

В то время тёмное отступники секлись.
Инакомыслие искоренялось сразу.
Линейки, сборы, педсоветы:
– Отрекись!
А он терпел как
дурачок из русских сказок.

Тычки, пинки, издёвки –
всё не описать

ни кистью,
ни пером, —
не хватит слов и красок.
А он
тайком
писал стихи про чудеса,
что и не снились
дурачку из русских сказок...

Прошли года.
Визжат поклонников стада.
От почитателей таланта
нету спасу:
— В чём ваш секрет, Великий Мастер?
Он:
— Всегда
в моей душе жил
дурачок из русских сказок!

Похорони меня по-божески, потомок...

Похорони по-божески, потомок,
меня...
Пусть через шесть десятков лет,
когда копая котлован под домик
найдёшь полуистлевший мой скелет.

Мне завтра прямиком идти на дзоты.
Я жизнь отдам по мизерной цене.
И гнить останусь в поле вместе с ротой.
Убитых выносить —
приказа нет.

Я не в обиде на вышестоящих.
Стратегия — других суждений нить.
На миллионы нас,
сыгравших в ящик,
тех ящиков вовек не сколотить.

Дай Бог,
возьмут ребятушки высотку.
Спасибо им за беспримерный риск!
И вырастет,
из крови павших соткан,
над братскою могилой обелиск.

Но если нет –
мои не лягут кости
в глубокий ров под будущий гранит...

Тогда
по-человечески,
по-свойски,
по-божески,
прошу,
похорони!

Похорони без имени,
без даты!
Потомок!
Правнук!
Родина!
Страна!

Покуда нет могилы у солдата –
идёт война...

Ольга ПАНОВА

Свобода личности

Никаких потрясений, ничто тишины не нарушит,
В упоительно сонном покое светлы миражи,
Отпустив в воскресенье на праздник бессмертную душу,
Наша личность свободно и тихо на койке лежит.

А лежачих не бьют, им удобней и проще намного,
Нет нужды напрягаться и думать о сути вещей,
И вальяжный уют заменяет стремление к Богу,
А невежества панцирь – любой интерес вообще.

От волнений себя охраня, так легко и приятно
Понимать, что безвреден, а, стало быть, каждому мил.
А желание жизнь обгонять и любить безоглядно –
Это просто незрелость и трата бездарная сил.

Незатейливых муз услужение ласковой дланью
Убаюкает нервы, разгладит морщины на лбу,
Жизнь приятна на вкус, и легко управляться с делами,
И подстрижены когти сомнений – в душе не скребут.

...Бесконечно блаженны живущие тихим манером,
Им судьбу удалось обойти, всех имея в виду,
Притяженьё постели становится символом веры,
За которую после в раю кренделей подадут.

Достиженье гармонии духа вполне правомочно
Даровать вожденное право на частную жизнь.
Пусть спасители нации прыгают где-то по кочкам,
Если личность свободно и тихо на койке лежит.

Что-то не так

Кто-то печален почти постоянно,
Кто чепуху понёс,
Кто-то и вовсе – дико и странно –
Сразу пошёл вразнос.

Что же такое нам бесы напели,
Как мы пожухли все...
Вроде живём – а на самом деле
Вроде и нет совсем!

Мы не летаем. И крылья пылятся
Где-то в шкафу стенном.
Мы не умеем уже удивляться
Радуге за окном...

Чтобы очнуться от муки душевной,
И не скучать во сне,
Нужен, наверное, добрый волшебник,
Коих давно уже нет.

Кое-что, правда, ещё на свете
Держится на плаву...
Только любовь, да вот песенки эти
Жизнью реальной живут.

Нам бы у них поучиться, ей-богу,
Беды не брать в расчёт!
Может, проснётся душа понемногу,
Если жива ещё.

* * *

Так изначально и печально
Стекало время в никуда,
Слова ненужные бренчали,
В болото падала звезда...

Пройдёт. Забудется. Залечим.
И сомневаться нет причин,
Что всё это не будет вечно
Саднить и добавлять морщин.

Душа – таинственная дама!
Умеет чудеса творить,
Как ни сгораем иногда мы –
Всё прорастает изнутри!

И непременно станет легче
Дышать и в зеркало смотреть.
И угрызаться будет нечем
За поражение в игре...

Валерий Червяков

Зеркало

Мы живём в окружении зеркал...
Как портрет Дориана Грея,
нам докажет зеркальный овал
то, что мы безнадёжно стареем.
Не считаем просроченных лет:
думал, двадцать – а время ушло.
Кем ты был – знает старый портрет,
кто ты есть – скажет честно стекло!

Нас теснят зеркала, зеркала...
Тонем в море своих отражений:
отражение мыслей – в делах,
отражение мечты – в достижениях!
Отражаюсь в знакомых, в друзьях
отношением, мнением их.
Повторюсь в голубых зеркалах,
в двух бездонных, любимых, твоих...

Не хочу о кривых зеркалах –
искажают, изломают до хруста.
А бывает, что холодом – страх:
глянешь в зеркало – в зеркале пусто!
Как же так? Ты же есть, ты же был...
Где растратил себя, расплескал?
Что ты в жизни своей совершил,
чтоб не клясть опустевших зеркал?!

Смотрим в зеркало – каждый в своё.
Но однажды жестоким движеньем
время зеркало ТО разобьёт,
где стареет твоё отражение...
Но есть свойство разбитых зеркал –
в этом с нами, живыми, родство:
всё, что целый портрет содержал,
есть стократно в осколках его.

Григорий МИНЕНКО

* * *

Поделом. Я плачу за слова,
За нелепые речи во гневе
Иероглифом рваного шва
На обтянутом кожей чреве.
Говорят, я нажиться бы мог
На процентах нелепого дара,
Только вот подоходный налог
Много выше порой гонорара.
Разменяю рубли на гроши,
Болтовнёй отболею, как корью,
Но грехи обнаженья души
Чем я, кроме молчанья, покрою?

Сергей НИКИТИН

36-й

Мезозойская эра ГУЛАГов:
Устилаг, Соловки, Колыма.
Эхо времени, тайны оврагов,
Ледниковый период, чума.
Эпопея железного века
По следам лютой смерти и лжи,
Млечный путь по костям человека
За стеной беспросветной зимы.
За стеной непроглядного мрака
Силы зла, бездорожье, туман,
Бесконечные стены бараков,
Голод, холод, подлог и обман.
Голод, холод, болезни, пороки,
Бесконечно полярные сроки,
Кровь, резня и раздоры блатных.
Голос ужаса, дробь автомата,
Кандалы окровавленных ног,
Зверство, пьяный конвой и солдаты,
Мир морозных, бескрайних тревог.
Только чёткое знание дела,
Стали блеск в голенище сапог
Закаляют в огне беспредела,
В мире скользких, гранитных дорог.

Владимир ПЕРЕВОДЧИКОВ

Ломка

Ломали б на Хасане, Халкин-Голе бы,
Потом дрова ломали б за хребтом.
...Сперва хребты, затем ломали головы,
Потом ломали руки, а потом...

Ломается стекло от перегиба;
Ломается – когда не гнётся – сталь.
«Всех, кто умней меня, тащи на дыбу!
Кто страшен – тех пытай и к стенке ставь!»

Хрустели судьбы, что во рту соломка,
Трещали под ногами черепа.
По всей стране умов катилась ломка.
Россия! Неужель ты так глупа?

Неужто ты не видишь и не слышишь?
Ты спишь или прикинулась такой?
Хотя летаешь дальше, выше, выше –
А под тобой покой и непокой.

Всё больше изречений не по ГОСТу,
Не то, что «Будь готов – всегда готов!»
От боли прогибаются погосты,
Срывая кляпы из заткнутых ртов.

Незыблемые рушатся устои,
Полувековая закипает злость.
А надо ль переписывать историю?
Чтоб внукам нашим плакать не пришлось.

* * *

Век раздроблен на времена.
Времена – на мгновенья. В итоге
Разлагаются Имена,
Появляются новые Боги.

Марина БРЮЗГИНА

Границы

Границы, границы, границы...
Вся жизнь состоит из границ.
И наши окрашены лица
Огнём непослушных зарниц.

Мне кто-то из предков оставил
Тревогу кочующих птиц.
Хочу исключений из правил,
Хочу нарушений границ.

Читаю себя постранично,
Смотрю полюбившийся сон.
Я с кем-то серьёзно граничу,
Но это до лучших времён.

* * *

Я посмотрю налево и направо
И, не заметив счастья, перейду
Дорогу, пролегающую в травах,
Ведущую на дальнюю звезду.

Кирилл САЗАНОВ

Гусиная стая

Ночью сыпался снег, что уже не растает.
И в чужой и холодной небесной дали,
Уходила на юг запоздавшая стая,
Улетая подальше от родимой земли.
Это дикие гуси. Их песня печальна.
Небо полнится криком. И давит в груди.
Ты всей кожей почувствуешь: что-то неладно.
А они просто кличут друг друга в пути.
Потому что темно. И тревожно. И страшно
В этой злой карусели держать высоту,
Потому что не выдержит кто-то однажды –
Кто-то очень родной, умерев на лету.
Вот и кружит над нами гусиная стая,
Собирая отставших – здесь же некуда сесть.
Это ты на земле среди камня и стали,
Всё стоишь и всё медлишь. А надо лететь.

Любовь ТЮМЕНЦЕВА

* * *

Десятый «а» корпел над сочинением.
Казалось, что не кончится урок.
Спокойно в эти вечера весенние
За партами никто сидеть не мог.
Прохладно пахло тополями тальными.
Глядела в класс тревожная луна...
А наша литераторша усталая
Так буднично стояла у окна.
Претензий не имели мы к Печорину,
Но в эти дни – уж как там ни крутись –
Тянуло нас совсем в другую сторону,
От старых книг – в начавшуюся жизнь.
Где всё такое странное, не прежнее,
Где сердцем всем, росиночкой любой
Девчонки, как расцветшие подснежники,
Встречали настоящую любовь.
Поэтому писали мы рассеянно,
И помнится, что в тот далёкий час
Казалось нам, что Анна Алексеевна
Впервые в жизни знает меньше нас.

* * *

Тетрадь и лампа, стол и стул –
Всё до усталости знакомо.
А месяц в озеро нырнул
Совсем недалеко от дома.
И ночь по-летнему тепла,
Кусты в слезах-дождинках мокнут...
А мы ворчим: дела, дела! –
И закрываем в доме окна.

Наталья ПАНАЗЯН

* * *

Я мальчишке рисовала
Танки и солдат,
Я мальчишке рисовала
Чёрный автомат.
Я матросов рисовала
С связками гранат.
И матросов я бросала
Под свинцовый град.
Я мальчишке рисовала
Весь в крови бушлат.
Я мальчишке рисовала:
Умирал солдат.
Зачеркнул он стрелочкой
Всё в рисунке том:
– Нарисуй мне девочку
С голубым бантом!

Тамара РУБЦОВА

* * *

Земля и небо проданы,
И, кров утратя свой,
Уселся под смородиной
Российский домовый.
О наше безразличие
Он все разбил бока.
Сидит, свистит по-птичьему
И смотрит в облака.
Малинника колючего
Он веточку припас,
И взял росу горючую
С собою про запас.
Он сто сапог изнашивал,
Всё исходил повдоль,
У сердца сеял нашего
Малиновую боль.
Над лесом встав на цыпочки,
Качая головой,
Смородинову скрипочку
Изладил домовый.
Малина да смородина –
Чего тут горевать.
В лесу – зато на родине,
Придётся зимовать.
Скрипят, скрипят уключины
На северной реке.
Он новый дом колючкою
Рисует на песке.
И вдаль глядит как скованный,
Не видя прока в том,
Что снова нарисованы
И родина, и дом.

Нина ЛУЧКИНА

Я на двадцать минут никому не нужна

Остановка. Машины проносятся мимо.
Пропуская автобус, остаюсь здесь одна.
И, вдыхая букеты из газа и дыма,
Я на десять минут никому не нужна.

Наслаждаясь недолгим и шумным покоем,
От всех видов забот я освобождена,
А машины шуршат и сигналият, и воют...
Я на двадцать минут никому не нужна.

Нет ни мыслей, ни дум – ощущение дороги,
Отрешённость от вечных проблем бытия.
Жизнь, ты в этот момент понапрасну не трогай,
Защити от невзгод, побаюкай меня!

Я опять пропущу свой усталый автобус,
На скамейке грустя совершенно одна...
Я на тридцать минут позабуду про глобус.
Я – дышу, я – смотрю, я – люблю, я – жива!

Опустит скоро жалюзи закат

Опустит скоро жалюзи закат –
Останемся во власти сонной ночи.
Отрада дней моих, давай заглянем в сад,
Орган послушаем вселенских многоточий.

О, дивное звучание зимы,
Оттаиваешь души, как ни странно:
Осветишь путь ночной сиянием луны,
Омоешь снегом растревоженные раны.

Окрасят сердце в яркий цвет надежд,
Обрушившись, хрустальные хоралы.
Орфей из нот волшебных выстроит кортеж,
Одарит нежностью земных рассветов алых.

Танцующий в метели дом

Озябший март, продрогший кот,
Мой дом, танцующий в метели.
Тебя сюда, наверно, чёрт
Занёс, чтоб песни зазвенели,

Заголубился нежный лён,
Запели все частицы тела.
Я провалилась в нежный сон,
Пошла за радостью несмело.

А март нам снег швырял в окно,
Свои напевы предлагая,
И страшно было, и светло,
И тихо, как за дверью рая.

Покрытый чистым серебром,
Как будто пологом венчальным,
Танцующий в метели дом
Спасал нас и губил отчаянно.

Заплутавшая эсэмэс

В мегазвёздной сплошной паутине,
В перекрестьи миров и небес,
Кодом Морзе на призрачной льдине
Заблудилась твоя эсэмэс.

Лет с десятков в эфире болтается,
И не в силах я шифр разгадать.
Неужели забытой скиталицей
Ей бессрочно летать и летать?

Из потёмок сердечного ада
Выбираться давно ей пора.
Не молчи только!.. Слышишь?.. Не надо!
Налетайте шальные ветра!

Вы кометою яркой промчите
Заблудившуюся эсэмэс,
Чтоб на околоземной орбите
Раздалось светлым звоном с небес:

Скоро буду. Лечу и скучаю.
Разгадал я энигму твою –
Без тебя нет ни ада, ни рая.
Значит, только тебя я люблю.

Алисон ЗОЛОТАРЕВА

Полёт нормальный

Полёт нормальный. Пилоты трезвы.
И чёрный ящик играет джаз.
В иллюминатор струится небо
Вселенской синью печальных глаз.

Дают напитки. Почти бесплатно.
Врасплёск стаканы качают дни.
А может, ночи. А может, ветер,
Деревья, реки, мои огни.

Она мне шепчет про бесконечность,
Умерших мыслей сдувает прах.
Собрав все тайны, набила трубку
И нежно курит мой тёмный страх.

Сквозь кольца дыма я увидала:
В стекле стакана – вся жизнь моя.
Полёт нормальный. Одни мы в небе –
Поющий ящик, Она и я.

Валентин ПАВЛОВ

* * *

Нет, не слыл я ни мотом, ни фатом
от князей благородных кровей...
Не любил я ходить по асфальтам
там, где можно пройтись по траве.
Не искал соблазнительных выгод
и не чтил ни почёта, ни льгот,
и в насмешку надёжному
«Выход»
находил безнадёжное
«Вход».

Пел, как мог,
 не скуля и не плача,
на своей семиструнной брэнча.
И когда утопал в неудачах,
умудрялся по новой начать.
Так что смело всплакните,
 потомки,
постигая мятежную суть,
и каким я был нежным и тонким,
разберитесь потом как-нибудь.
Ради вас,
 рассиропясь внезапно,
я слезу покаянья пролью...
Я люблю вас —
 родившихся завтра.
За одно только это люблю.

* * *

Я всё откладывал на завтра, на потом,
и суете прислуживала муза...
Всё, что храню за начатым холстом,
осталось не востребованным грузом.

Вега

Бесконечностью неизмеренной
над рекой плыла тишина.

Ты сказала,

 что Вега ветрена –
слишком ярко горит она.
Это просто такая миссия –
каждый в жизни своё несёт,
и сгореть можно

 так,
 легкомысленно,
бесполезно сгореть
 и всё.

Вон скупые,

 неяркие,
 мудрые,
те не станут вот так очертя
спорить с солнцем,

 хотя бы и с утренним,
осторожность забросив к чертям.
Только разве на них ночами
мы засматриваемся всегда
и загадываем на счастье,
если где-то упала звезда.

Мне,

 я знаю,
 не хватит века.
Ну а если придётся остыть,
я хотел бы сгореть,
 как Вега,
так же ярко сгореть.

А ты?

Тимур САГДИЕВ

* * *

Завопила труба, как в агонии медная кобра...
Переключкой архангелов гром пролетел вдалеке.
Защемило в груди, будто вклинились лишние рёбра,
И меня понесло, как топор, по бурлящей реке.

Тучи в небе легли, как тулупы расстрелянных бесов.
В небесах наступил кровоблещущий тридцать седьмой.
Из соседних галактик слетается жёлтая пресса,
Упиваясь барачным спектаклем – тюрьмой-кутерьмой.

Волочится по городу грязный гигантский калека.
Костыли его – смерчи – сшибают с дороги дома.
Я плыву по реке в направлении прошлого века.
Я – топор палача, в прошлом веке сошедший с ума.

Светлана БЕЛЯНИНА

Пьеро

Трепетный мальчик с грустной улыбкой Пьеро...
Как ты устал быть посмешищем для толпы,
Ты назубок уже выучил свою роль –
Но пьяный Кукольник вновь про тебя забыл...

Занавес. Вечер. Давно сигаретный дым
Смешан с уютным дымом кирпичных труб.
Ты обречённо смываешь искусный грим,
Ватным тампоном стирая улыбку с губ.

Грезил о славе и верил, что жизнь – Игра.
Но на подмостках, увы, ты простой статист.
Лишь об одном ты жалеешь по вечерам –
Что свою жизнь невозможно сыграть «на бис»...

Наталия ИСТОМИНА

* * *

Растащили Большую Медведицу
По кусочкам, по звёздочке – в стороны!
Мир не рухнул... В душе – гололедица.
По-особому каркают вороны...

Растащили, разбили, распродали...
Разбомбили – и разукрасили.
По звезде, по обломку – по улицам
Раскидали – витрины украсили...

Закричу! Только разве изменится
На душе моей гололедица?

Наталья КРИСТИНА

Ёжик

На траве последний раз поёжась,
Не встревожив леса и реки,
В маленькой ложбинке умер ёжик,
Жертва невниманья и тоски.

В смоляных слезах робели ели,
Зелень игл склоняя до земли,
Зайцы о тщете земной скорбели,
Волки попрощаться с ним пришли.

И медведь, что в детстве, медвежонком,
Опасался ёжика всерьёз,
Из иголок старых одежонку
Тихо гладил, не скрывая слёз.

«Серебристым ёжик был, не серым...» –
Шелестела колкая трава.
Ласковое, любящее сердце
Грустно под иголками скрывать.

Но клыки, страшая, превращали
Доброту в игольчатый клубок.
Жаль, слова прощанья и печали
Он не мог услышать, он не мог.

Но даруя благодать и милость,
По верхушкам сосен прошуршав,
Плакала и к небу возносилась
Зла не затаившая душа.

Дина НАГОРНОВА

Шут

Я шут. Что мне запреты и преграды?
Я знаю всё, я рыскаю везде.
Мне оплеуха – лучшая награда,
Чем золото всех принцев и князей.
Дерюжка мне дороже, чем перина,
Смех лучше, чем монет тяжёлый звон.
Шут вовсе не игрушка господина,
Он даже королю не шлёт поклон.
Дурацкий свой колпак не променяю
На троны и короны королей.
На пьедестал достойных поднимаю.
Поверьте мне, нет дела веселей!
Спесивцу я скажу: «Ты глуп, бедняга».
Я нищему признаюсь: «Ты король!»
Смеясь, шепну рачительному: «Скряга».
И это жизнь моя, не просто роль.
Я разыграю сказку ненароком,
Где шут – король. Такая вот беда.
Меня накажут, но не очень строго...
Король найдётся, шут же – не всегда.
Боятся все стать темой смелых шуток,
А я любой насмешке рассмеюсь.
Вся жизнь моя из крошечных минуток,
Когда я королём другим кажусь.
Пусть на меня взирают с превосходством
Глаза из-под изящных париков.
Я правды жизни стал первопроходцем,
Единственный свободный от оков.
И пусть король, оставим предрассудки,
Дворца хозяин, леса и полей.
А кто хозяин искромётной шутки?
Порой шуты сильнее королей!

Дмитрий ХОБОТНЕВ

* * *

Как неприятен шаровидный мир,
С его сплошною точкой невозврата.
Даёт билет невидимый кассир:
Маршрут из ниоткуда до куда-то.

Квадрат стеклянный в каменной стене
Подвижно-неподвижного вагона,
На станциях выходишь, но извне
Всё тот же облик вечного перрона.

А на фасаде мнимых перемен
Цикличности циничная ухмылка,
И раз за разом падает с колен
Пустая, но тяжёлая копилка.

Игра в слова – забавная игра,
И вход, и выход – равного объёма,
Они равны, когда пришла пора
Дверного одинокого проёма.

Часы, минуты, годы и века,
День-ночь, зима, весна и лето:
Их не вписала странная рука
В маршруте непонятного билета.

Елена СОЛОДЯНКИНА

Грэю

Грустит забытый Богом Зурбаган.
Ассоль, устав от слёз, решила замуж.
Поскольку всё твердит, что пора уж
Поверить, что старик был просто пьян.

Она успела даже развестись,
Воспитывает дочь (совсем большая!),
Но каждый вечер, к морю прибегая,
Как прежде ждёт, что вдруг взметнётся ввысь

Тугая ткань знакомых парусов
Немыслимого сказочного цвета.
Зачем же до сих пор блуждает где-то
Корабль из разноцветных детских снов?

Ну, где ж ты, Грэй? Пророчество забыл?
Твоей мечте теперь уже за тридцать.
Она хотела было утопиться,
Но не нашла ни времени, ни сил.

В каких тавернах ищешь ты причал?
Иль принцам наши девки не по чину?
Проснись же, протрезвей и будь женщиной!
Чем вскакивать тревожно по ночам,

Заветной ткани отыщи лоскут,
А там найдёшь красивую отмазку.
Нельзя ж так просто взять, испортить сказку.
Грин не простит, и дети не поймут.

* * *

Взрослею. В сказки верить перестала.
Не рвётся Грэй к «принцессе на бобах».
Нет, ходит тут один... А разве мало?
Пуškai не принц, но всё-таки в штанах.

Красивый, стройный, с карими глазами.
И молодой... Что значит «как всегда»?

Какой корабль... С какими парусами...
Спасибо, что хоть кормит иногда.

Бумеранг

Ну, как Вам одиночество на вкус?
Вы ж так упорно жаждали свободы!
Вы не были обижены природой,
Теперь несите гордо этот груз.

Вы сами предавали сотни раз.
Так какво предательство на ощупь?
Без обязательств жить намного проще.
Вы этого хотели? Всё для Вас!

Ну, как Вам песня Вашей пустоты?
Она Вам не закладывает уши?
И темнота ночами Вас не душит,
Когда Вы с ней так запросто на «ты»?

Что Ваша гордость? Ей неведом страх,
Крадущийся в тиши на мягких лапах?
Ну, как Вам независимость на запах?
Ну, как Вам отраженье в зеркалах?

Юлия СЫЧЕВА

Собрату по перу

Не обласкан похвалой неискренней,
Не осыпан золотым дождём,
Этой божьей стихотворной искрою
Ты наказан – не вознаграждён.

Эта искра – человеку пагуба,
Нерасположение горних сфер:
Будет у меня своя Елабуга,
Будет у тебя свой «Англетер».

А пока, собрат мой доморощенный,
Возлюбивший и хорей и ямб,
Почитай свои стихи на площади
Равнодушным толстым голубям...

Игорь АГАФОНОВ

* * *

Я рано суть поэзии постиг.
Мудрёные твердил определения,
Искал свой стиль
и форму,
и язык,
Внушал себе ночами вдохновенья.

Когда же стал почти сходить с ума,
Большую жизнь своим твореньям проча,
Вдруг удивился:

многие тома
Не стоят пары первозданных строчек.

Но хватит ли на них судьбы и сил!
Иль, не услышав их,

Я лишь с годами истинно открыл,
Что суть поэзии непостижима.

* * *

Строки, зарытые заживо, —
Смогут ли вас прочитать?
Я никого не обхаживал,
Чтобы пошли вы в печать.
Вы переписаны начисто,
Но ощущаю нутром:
Горько грустится
и плачется

Вам в экземпляре одном.
Что за судьба уготована
Вам, погребённым стихам!
Сколько не создано нового,
Только из жалости к вам!

Александр ИБРАГИМОВ

* * *

Чернила выцвели... Шекспир вскрывает вены,
Чтоб хроники Отечества писать
О верности под знаменем измены,
О подлости, что подвигу под стать...

* * *

И ангел с краплёным крылом,
И демон в райском оперенье
Пьют кофе за одним столом –
Самим себе на удивленье.

* * *

Пусть будет каждому любовь
За все падения расплатой,
И будет каждому распятье,
Чтоб понимать чужую боль.
Пусть будет каждому дворец
Сменён однажды на лачугу...
Пусть будет миг, подобный чуду,
И миг, похожий на конец.
Пусть каждый станет раз судьёй,
А раз предстанет как преступник.
Пусть каждый ту черту преступит,
Которую зовут судьбой.
Пусть лучший друг тебя предаст,
И пусть любимая покинет.
Пусть всё, что было, – то погибнет,
И горечь мужества придаст!
Хотя бы раз, но поскользнься,
Чтобы потом понять упавших...
Встань палачом хоть раз у плахи
И раз над плахою склонись!

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Масштаб

От древнего кургана
до гиблого болота;
от чайного стакана
до чаши с позолотой;
от томского забора
до стен горячей Кушки;
от Домского собора
до крошечной церквушки;
От розы искушения
до прозы из трактира;
от мироощущения
до ощущенья мира.

* * *

Не надо музыки. Не надо!
Пусть лучше дождик моросит.
Туман.
Строения.
Ограда.
В окошке свет.
Ребёнок спит.

Он тихо спит.
Он сонно дышит.
Блаженно и легко сопит.

Мне скажут: «Так давно не пишут».
А я скажу: «Ребёнок спит».

Возвращение

Но исходив тропу забытую,
изведав боль, изведав ласку,
мы возвращаемся в закрытую
для посторонних взглядов сказку,

где за плетёными портьерами
переплелись любовь и мука,
где недоверием проверены
сомнения кавалера Глюка,
где только самое случайное
является само собой
в счастливых словосочетаниях,
оправданных моей судьбой.

Слово

И опять надо мною, исторгая тепло,
удивлённое Слово, как Солнце, взошло.

То же самое, коим мы веками живём,
обещаем и поим, изумляем и жжём.

И которому слишком доверяться спешим,
забывая про искры и клубящийся дым.

А оно – не подкова, не туман идиом.
Это древнее Слово дал Охотник с Копьём,
на века его сделав для Войны и Добра
вместе с первою Евой – из мужского ребра.

Заметки на полях

Какая странная дорога,
как выполощен ветром куст.
Пейзаж безрадостен и пуст,
и всё же он – пейзаж от Бога.

Какая странная судьба,
почти не знавшая пролога.
И всё-таки она – от Бога,
и потому она – судьба.

Ты говоришь: люби меня,
ведь я дана тебе от Бога.
А за словами вновь дорога,
и до звезды как до порога,
а за порогом вновь звезда...

И это всё опять от Бога.

Заметки на полях

И всё-таки судьба уgomонилась,
пусть ненароком, будто невзначай,
она сменила божий гнев на милость,
а горечь соли – на крепчайший чай.

И за тоску потерь и одиночеств
я награжден, как и хотелось мне,
признаньем женщин, ласковых пророчиц,
что втайне славу предрекали мне.

Теперь я знаю, мне хватило силы,
никто не скажет, как не о бойце.
Бессилие, что так вчера бесило,
оставило лишь тени на лице.

И задыхаясь, зная, так бывает,
я повторяю давнюю строфу:
«От радостных вестей не умирают,
а горестные я переживу».

* * *

Беспредельную равнину
вновь дождём заволокло.
Разогнув кривую спину,
небо на сады легло.

Потянуло теплым паром
от избы к другой избе.
По дощатым тротуарам
я опять иду к тебе.

Без причины спотыкаюсь,
удивляюсь и смеюсь,
но ни в чём ещё не каюсь,
ни на что ещё не злюсь.

Ни слезинки я не должен
сонму тёмных облаков.
Дождь начнёт, а я продолжу.
Не слезами —
ливнем слов.

Мы живём не в тёмном склепе,
даже в самый поздний час

пусть цветут на тёмном небе
звездапы
женских
глаз.

Памяти Ю. М. Магалифа

Юрий Михайлович мне говорит:
«Водки, пожалуйста, Гена, налейте».
Тянет желудок, сердце болит,
в окнах не море, не Родос, не Крит,
окна распахнуты в палеолит.

А Пан играет на флейте.

Серый забор и «скворешник» над ним.
«Водочки, Гена, не пожалейте».
Чад переклички, лагерный дым,
нимб над колючкой – сияющий нимб.
«В лагере легче трубить молодым».

А Пан играет на флейте

Юрий Михайлович жмурится: «Съем
Эту сосиску, а вы мне подлейте».
Жизнь коротка, перегружен модем,
бездна крутящихся в памяти тем,
дымный безбожный далёкий Эдем.

А Пан играет на флейте.

* * *

И опять весна наступает,
сходит снег, как моя тоска,
солнце жжёт...
Быть может, растает
белизна
моего
виска?

Ким Цын Сон (пер. Г.Прашкевича)

Михаил БОРИСОВ

* * *

Я легко проиграл судный бой с хрипотою
И теперь мне не всё, земляки, по плечу –
В поднебесную высь путь-дорогой крутою
Вместе с песней своей я уже не взлечу.
Поражение стерплю,
Но когда-нибудь с маху,
Как незнамо какой полупризнанный глот,
Соберусь и рвану возле горла рубаху
И глухим шепотком дам команду на взлёт.
Прикажу сам себе.
Прикажу чуть не плача.
Прикажу настроенью душевному в лад.
Может, снова плечо мне подставит удача,
Как на ранней заре, как полвека назад...

Василий ФЕДОРОВ

* * *

До того,
Как средь множества прочих
На твоей появиться земле,
Мимо звёзд, набегавших из ночи,
На стальном я летел корабле.

Наши сроки межзвёздные кратки:
Там минута – здесь жизнь.
Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забежал я на землю твою.

Забежал,
У огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть
Ничего не успел.

А меня уже –
Ты ведь не слышишь –
Мой корабль отдохнувший зовёт;
Тише ветра,
Дыхания тише
Он сигналы свои подаёт.

И хочу я,
Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной
Последней разлуки
Улетевшим считала меня.

* * *

А я когда-то думал,
Что седые
Не любят,
Не тоскуют,
Не грустят.

Я думал, что седые,
Как святые,
На женщин
И на девушек глядят.

Что кровь седых,
Гудевшая разбойно,
Как речка,
Напоившая луга,
Уже течёт
И плавно
И спокойно,
Не подмывая
В страсти берега.

Нет,
У седой реки
Всё то же буйство,
Всё та же быстрина
И глубина...
О, как меня подводит седина,
Не избавляя
От земного чувства!

Хочешь ведать,
Как писалось?
На душе
За жизнь мою
Всё skipелось,
Всё слежалось.
Отколю –
И выдаю.

Источники

Стихотворение «Осень» Анатолия Георгиевича Балакая, ныне доктора филологических наук, опубликовано в газете Сельская правда (Новокузнецкий район Кемеровской области) – 1981. – 7 ноября (№ 134). – С. 4.

Стихотворение Валерия Зубарева «Перетерплю предательство и травлю...» опубликовано в: Лит. Кузбасс. – 1997–1998. – № 1–2. – С. 6.

Стихотворение Валерия Зубарева «Уроки истории» опубликовано в книге: **Поэзия Кузбасса XX–XXI век**. Т. 3. Поэты 70–80-х. Стихи. – Кемерово, 2014. – С.65.

Четверостишие Николая Николаевского «Дышать и видеть через трубочки дорог...» опубликовано в: Сельская правда. – 1989. – 13 мая.

Стихотворение Николая Николаевского «Монолог лётчика, бомбившего Хиросиму» опубликовано в книге: **Трудный день**: стихотворения / Николай Николаевский. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1982. – С. 79.

Стихотворение Ильи Ляхова «Монолог актёра за кулисами во время спектакля» опубликовано в книге: **На родине моей выпали снега...**: поэтический век земли Кузнецкой / [ред. - сост. В. Баянов ; предисл. Б. Бурмистрова ; худож. В. Кравчук]. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – (Сибирская поэзия). – С. 230–231.

Стихи Ильи Ляхова «Путь по жизни не сию минуту начат...» и «И тишина бывает шумной...» опубликованы в: Кузнецкая крепость (Новокузнецк). – 2020. – С. 129–130, 131.

Стихотворение Анастасии Русских «Жить не торопясь, поэтапно и чинно...» опубликовано в: Огни Кузбасса. – 2006. – № 4. – С. 41.

Стихи Анастасии Русских «Новый мир под рухлядью руин...» и «Раненым эхом военного горна...» опубликованы в книге: **Привычка к полёту**: стихи / Анастасия Куприк. – Кемерово, 2008. – (Приложение к журналу «Огни Кузбасса». – 2008. – № 34). – С. 55, 67.

Стихотворение Анастасии Русских «Сорок лет – это снова подросток: ни то, ни сё...» опубликовано в: Вне формата. № 4. – Новокузнецк: «Союз писателей», 2012. – С. 45.

Стихотворение Анастасии Русских «В телевизоре орёл наш дон Рэба...» опубликовано в: «Союз писателей» (Новокузнецк). – 2013. – № 1. – С. 98 (см. также <http://www.stihi.ru/2012/09/14/1459>).

Стихи Анастасии Русских «Что воплощение – это риск...», «Слишком человеческое», «На Голгофе бы тоже...», «Я в последнее время смотрю с изумленьем в тетрадку...» опубликованы в книге: **Мы созданы друг друга воскрешать**: стихотворения / Анастасия Куприк. – Коломна: Серебро Слов, 2017. – С. 23, 26–27, 30, 31.

Стихотворение Анастасии Русских «Антракт?.. Нет, просто выключили свет...» можно найти в интернете: <https://stihi.ru/2004/02/25-289>.

Стихотворение Сергея Самойленко «Верхний свет погасив над страной...», «Сквозь неплотно сомкнутые веки...», «Что за время – ни свет ни заря...»

опубликованы в книге: **Неплотное смыкание век:** стихи / Сергей Самойленко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – С. 39–40, 12–13, 41–42.

Стихи Сергея Самойленко «Мы пьём забродившее время и держим стаканы...», «В небо зарыта игральная кость...», «В ночь понедельника, утро среды...» опубликованы в книге: **Обратная перспектива:** стихи / Сергей Самойленко. – Кемеровское книжное издательство, 1991. – С. 21, 22, 5.

Стихи Татьяны Костериной «Похмелье во чужом пиру...», «Привычно прикусить губу...», «Оборвать лишние связи, фантики, кружева...», «Предпоследние из могикан, как ни странно, мы всё ещё живы...», «Взгляни в окно – ну что там, во дворе?...», «Ходить – всегда окольными. Туман...», «Дочитаны давно мадам де Бовуар...», «На полуслове оборвать строку...», «Затравленный серый волчок...», «Сначала нарекли меня звездой...», «А на Западном фронте – без перемен...», «Не вырваться. Не стать. Не прозвучать. Изволь...» прочитаны автором на занятиях «Мастер-круга Татьяны Николаевой» и предоставлены составителю автором.

Стихотворение Татьяны Костериной «Памяти Н.С.Гумилева» прочитано автором на занятиях «Мастер-круга Татьяны Николаевой» и опубликовано в: Кузнецкий рабочий. – 2014. – 22 марта (№ 33). – С. 3, а после митинга в защиту Гоголевки обрело посвящение «В.В.Скаленчук» и ещё раз опубликовано в книге: **Реквием по Гоголевке:** История «слива» / сост. – Калашников Н. Н. – Новокузнецк, 2013. – С. 3.

Стихи Сергея Богачева «Верую», «Экспромт», «Пилат», «Мы продаём...», «Талант – глубоко...», «Я хочу, чтоб цензуру назад...», «Наваждение», «Дурачок», «Похорони меня по-божески, потомок...» прочитаны автором на занятиях «Мастер-круга Татьяны Николаевой», предоставлены составителю автором и опубликованы в книге: **Верую!:** стихи / Сергей Богачев ; сост. – Калашников Н.Н. ; Муницип. учреждение Центр. библиот. система им. Н.В.Гоголя, Творч. мастерская «Мастер-круг», Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – С. 4, 13, 19, 45, 47,50, 68, 49–50, 15–16.

Стихи Ольги Пановой «Свобода личности», «Что-то не так», «Так изначально и печально...» опубликованы в книге: **Одиноким чертополох:** стихи и песни / Ольга Панова. – [Новокузнецк], 2011. – С. 20, 70, 82.

Стихотворение Валерия Червякова «Зеркала» опубликовано в книге: **Стихи. Песни** / Червяков Валерий Сергеевич. – Новокузнецк : [б.и.], 2016. – С. 58–59.

Стихотворение Григория Миненко «Поделом. Я плачу за слова...» опубликовано в книге: **Я дарю вам свою душу:** стихи / Спецвыпуск газеты «Надежда». – Б.г. [Кемерово], [2004]. – С.20.

Стихотворение Сергея Никитина «36-й» опубликовано в книге: **Я дарю вам свою душу:** стихи / Спецвыпуск газеты «Надежда». – Б.г. [Кемерово], [2004]. – С. 27.

Стихи Владимира Переводчикова «Ломка» и «Век раздроблен на времена...» опубликованы в книге: **Взгляд из-под руки:** стихи / Владимир Переводчиков. – Кемерово: «Советский писатель», 2001. – С. 67, 96.

Стихотворение Марины Брюзгиной «Границы, границы, границы...» опубликовано в: Огни Кузбасса. – 2005. – № 4. – С. 129.

Стихотворение Марины Брюзгиной «Я посмотрю налево и направо...» опубликовано в книге: **Музыка пчёл**: стихи / Марина Брюзгина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С. 47.

Стихотворение Кириллы Сазанова «Гусиная стая» опубликовано в: Красная Шория (Таштагол). – 2018. – 13 сент. (№ 37). – С. 16.

Стихотворение Любви Тюменцевой «Десятый "а" корпел над сочинением...» опубликовано в: Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 29 марта. – С. 4.

Стихотворение Любви Тюменцевой «Тетрадь и лампа, стол и стул...» опубликовано в: Комсомолец Кузбасса. – 1971. – 23 января. – С. 3.

Оба стихотворения можно прочитать и в книге: **От ученичества к творчеству**. ФМЛ: обзоры стихов начинающих поэтов / М.А. Небогатов / Сост. Н.М. Инякина. – Кемерово: Печатный двор Кузбасса, 2013. – (Сер. «Известный неизвестный Небогатов»). – С. 105, 54.

Стихотворение Натальи Паназян «Я мальчишке рисовала...» опубликовано в: Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 3 мая. – С. 3, а также в книге: **От ученичества к творчеству**. ФМЛ: обзоры стихов начинающих поэтов / М.А. Небогатов / Сост. Н.М. Инякина. – Кемерово: Печатный двор Кузбасса, 2013. – (Сер. «Известный неизвестный Небогатов»). – С. 110.

Стихотворение Тамары Рубцовой «Земля и небо проданы...» опубликовано в книге: **На родине моей выпали снега**: поэтический век земли Кузнецкой. – Кемерово: Советский писатель, 1998. – С. 377.

Стихи Нины Лучкиной «Я на двадцать минут никому не нужна», «Отпустит скоро жалюзи закат», «Танцующий в метели дом», «Заплутавшая эсэмэс» опубликованы в книге: **В металлическом городе...**: стихотворения / Нина Лучкина. – Новокузнецк, 2015. – С. 74, 79, 78, 88.

Стихотворение Алисон Золотаревой «Полёт нормальный» опубликовано в: Вне формата. № 4. – Новокузнецк: «Союз писателей», 2012. – С. 78.

Стихи «Я всё откладывал на завтра, на потом...», «Вега» опубликованы в книге: **Две жизни**: стихи / Валентин Павлов. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 77, 10–11.

Стихотворение Валентина Павлова «Нет, не слыл я ни мотом, ни фатом...» опубликовано в книге: **Ради жизни на Земле**. Кузнецкий автограф. – Новокузнецк, 2015. – С. 229.

Стихотворение Тимура Сагдиева «Завопила труба, как в агонии медная кобра...» опубликовано в: Рабочая тетрадь: Приложение к журналу «После 12». – Кемерово: Творческая мастерская «Аз»; Кемеровский гос. университет, 2011. – С. 44.

Стихотворение Светланы Беяниной «Пьеро» опубликовано в: Союз писателей (Новокузнецк). – 2011. – № 5. – С. 28.

Стихотворение Наталии Истоминой «Растащили Большую Медведицу...» опубликовано в: Кузнецкая крепость (Новокузнецк). – 2015. – С. 110.

Стихотворение Натальи Кристиной «Ёжик» опубликовано в книге: **Жена Лота** / Наталья Кристина – Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 2007. – С. 92; *то же Пророческие сны.* – Иерусалим, 2013. – С. 58–59.

Стихотворение Дины Нагорновой «Шут» опубликовано в книге: **Заплутавшие во Вселенной** / Дина Нагорнова. – Новокузнецк : [б.и.], 2016. – С. 12.

Стихотворение Дмитрия Хоботнева «Как неприятен шаровидный мир...» опубликовано в: Кузнецкий рабочий, – 2013. – 2 мая (№ 49). – С. 10.

Стихи Елены Солодянкиной «Грэю», «Взрослею. В сказки верить перестала...», «Бумеранг» опубликованы в книге: **Жди меня на синей тени:** стихотворения / Елена Солодянкина. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – С. 57, 86, 92.

Стихотворение Юлии Сычевой «Собрату по перу» опубликовано в : Огни Кузбасса. – 2013. – № 1. – С. 97.

Стихотворение Игоря Агафонова «Я рано суть поэзии постиг...» опубликовано в книге: **Право говорить откровенно:** стихи / Игорь Агафонов. – Новокузнецк, 2000. – С. 133.

Стихотворение Игоря Агафонова «Строки, зарытые заживо...» опубликовано в книге: **Ради жизни на Земле.** Кузнецкий автограф. – Новокузнецк, 2015. – С. 167.

Четверостишия Александра Ибрагимова «Чернила выцвели. Шекспир вскрывает вены...» и «И ангел с краплёным крылом...» опубликованы в книге: **Крест русского четверостишья:** стихи / Александр Ибрагимов. – Кемерово: Творческая мастерская «А3», Кемеровский гос. университет, 2002. – С. 25, 69.

Стихотворение Александра Ибрагимова «Пусть будет каждому любовь...» в данном варианте было опубликовано в интернете (<https://stihi.ru/2014/05/13/6689>) и подписано «декабрь 1966 Киев». В книге **Космозычие:** стихи / Александр Ибрагимов. В двух томах. Т. 1 (1965–1985). – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2015. – С.261 опубликован немного другой вариант этого стихотворения (1966, 1980 Кемерово), но интернетовский вариант мне нравится больше. Тем более что в альманахе «Паровоз» (2018, № 7) снова опубликован интернетовский вариант.

Стихи Геннадия Прашкевича, писателя, поэта, переводчика, автора многих биографических книг, живущего в Новосибирске, но прожившего юность и опубликовавшего свои первое стихотворение и первый фантастический рассказ в Кузбассе, «Масштаб», «Не надо музыки. Не надо!..», «Возвращение», «Слово», «Заметки на полях ("Какая странная дорога...")», «Заметки на полях ("И всё-таки судьба угомонилась")», «Памяти Ю.Ф.Магалифа», «И опять весна наступает...» опубликованы в книге: **Большие снега:** книга избранного. – Новосибирск: изд-во «Свиньин и сыновья», 2008. – С. 42, 111, 317, 50, 82, 101, 124, 250.

Стихотворение Михаила Борисова, Героя Советского Союза, опубликовано в книге: **Присяга на верность:** стихотворения / Михаил Борисов. – М.: ООО «Ленпроминформ», 2008. – 296 с.

Стихи Василия Федорова, известного советского поэта, родившегося в Кузбассе, «До того, как средь множества прочих...», «А я когда-то думал...», «Хочешь ведать...» опубликованы во многих сборниках Василия Федорова. Например: **Судьба мне подарила Русь**: стихотворения, поэмы, терцины, новеллы, статьи / Василий Федоров. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. – С. 253, 132, 58.

Содержание

От составителя.....	3
Анатолий БАЛАКАЙ	
Осень.....	5
Валерий ЗУБАРЕВ	
«Перетерплю предательство и травлю...».....	6
Уроки истории	6
Николай НИКОЛАЕВСКИЙ	
«Дышать и видеть через трубочки дорог...».....	7
Монолог лётчика, бомбившего Хиросиму.....	7
Илья ЛЯХОВ	
Монолог актёра за кулисами во время спектакля	8
«Путь по жизни не сию минуту начат...».....	8
«И тишина бывает шумной...».....	9
Анастасия РУССКИХ	
«В телевизоре орёл наш Дон Рэба...»	10
«Антракт?... Нет, просто выключили свет...»	11
«Сорок лет – это снова подросток: ни то, ни сё...»	12
«Новый мир под рухлядью руин...»	13
«Что воплощение – это риск...»	13
Слишком человеческое	13
«На Голгофе бы тоже...».....	15
«Раненым эхом военного горна...»	15
«Жить не торопясь, поэтапно и чинно...»	16
«Я последнее время смотрю с изумленьем в тетрадку...»	16
Сергей САМОЙЛЕНКО	
«Верхний свет погасив над страной...»	17
«Мы пьём забродившее время и держим стаканы...».....	18
«В небо зарыта игральная кость...».....	18
«В ночь понедельника, в утро среды...».....	19
«Сквозь неплотно сомкнутые веки...».....	20
«Что за время – ни свет ни заря...».....	20
Татьяна КОСТЕРИНА	
«Похмелье во чужом пиру...»	22
«Привычно прикусить губу...».....	22
«Оборвать лишние связи, фантики, кружева...».....	23
«Предпоследние из могикан, как ни странно, мы всё ещё живы...».....	23
«Взгляни в окно – ну что там, во дворе?...».....	24
«Ходить – всегда окольными. Туман...»	24
«Дочитаны давно мадам де Бовуар...»	24
«На полуслове оборвать строку...»	24
«Затравленный серый волчонок...»	25
«Сначала нарекли меня звездой...»	25
«А на Западном фронте – без перемен...».....	25
«...Не вырваться. Не стать. Не прозвучать. Изволь...».....	26
Памяти Н. С. Гумилева.....	26

Сергей БОГАЧЕВ	
Верую!..	27
Экспромт	28
Пилат	28
Мы продаём	28
«Талант – глубоко...»	29
Я хочу, чтоб цензуру назад	30
Наваждение	30
Дурачок	31
Похороны меня по-божески, потомок	32
Ольга ПАНОВА	
Свобода личности	34
Что-то не так	34
«Так изначально и печально...»	35
Валерий Червяков	
Зеркало	36
Григорий МИНЕНКО	
«Поделом. Я плачу за слова...»	37
Сергей НИКИТИН	
36-й	38
Владимир ПЕРЕВОДЧИКОВ	
Ломка	39
«Век раздроблен на времена...»	39
Марина БРЮЗГИНА	
Границы	40
«Я посмотрю налево и направо...»	40
Кирилл САЗАНОВ	
Гусиная стая	41
Любовь ТЮМЕНЦЕВА	
«Десятый «а» корпел над сочинением...»	42
«Тетрадь и лампа, стол и стул...»	42
Наталья ПАНАЗЯН	
«Я мальчишке рисовала...»	43
Тамара РУБЦОВА	
«Земля и небо проданы...»	44
Нина ЛУЧКИНА	
Я на двадцать минут никому не нужна	45
Опустит скоро жалюзи закат	45
Танцующий в метели дом	46
Заплутавшая эсэмэс	46
Алисон ЗОЛОТАРЕВА	
Полёт нормальный	47
Валентин ПАВЛОВ	
«Нет, не слыл я ни мотом, ни фатом...»	48
«Я всё откладывал на завтра, на потом...»	48
Вега	49
Тимур САГДИЕВ	
«Завопила труба, как в агонии медная кобра...»	50

Светлана БЕЛЯНИНА	
Пьеро.....	51
Наталья ИСТОМИНА	
«Растащили Большую Медведицу...».....	52
Наталья КРИСТИНА	
Ёжик.....	53
Дина НАГОРНОВА	
Шут	54
Дмитрий ХОБОТНЕВ	
«Как неприятен шаровидный мир...»	55
Елена СОЛОДЯНКИНА	
Грзю	56
«Взрослею. В сказки верить перестала...»	56
Бумеранг	57
Юлия СЫЧЕВА	
Собрату по перу	58
Игорь АГАФОНОВ	
«Я рано суть поэзии постиг...».....	59
«Строки, зарытые заживо...».....	59
Александр ИБРАГИМОВ	
«Чернила выцвели... Шекспир вскрывает вены...»	60
«И ангел с краплёным крылом...».....	60
«Пусть будет каждому любовь...»	60
Геннадий ПРАШКЕВИЧ	
Масштаб	61
«Не надо музыки. Не надо!...»	61
Возвращение	61
Слово.....	62
Заметки на полях («Какая странная дорога...»)	62
Заметки на полях («И всё-таки судьба утомилась...»)	63
Памяти Ю. М. Магалифа.....	64
«И опять весна наступает...».....	64
Михаил БОРИСОВ	
«Я легко проиграл судный бой с хрипотою...».....	65
Василий ФЕДОРОВ	
«До того, как среди множества прочих...»	66
«А я когда-то думал...»	66
«Хочешь ведать...».....	67
Источники	68

Литературно-художественное издание

Познавать с годами начал Категорию добра...

Из Кузбасской поэзии

*Составление, вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложке – рисунок Вадима Сойферта.

Тираж 40 экз.

Издательство «Ник без Компані»